

Т. Г. Перевозчикова, Удмуртские народные загадки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1980.

10 декабря 1980 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва) на заседании Специализированного совета по присуждению ученой степени доктора наук 100 109 (фольклористика) состоялась защита кандидатской диссертации научным сотрудником Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Удмуртской АССР Т. Г. Перевозчиковой по теме «Удмуртские народные загадки». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. К. Микушев (Сыктывкар) и кандидат филологических наук доцент Д. А. Яшин (Ижевск). Исследование выполнено под руководством доктора филологических наук профессора Э. Лаугасте в Тартуском государственном университете.

Работа Т. Г. Перевозчиковой представляет собой серьезный труд о тематическом своеобразии, бытовой функции и языке удмуртской народной загадки, о месте ее в системе жанров удмуртского фольклора. Автор сосредоточила внимание не только на жанре загадок, но на удмуртском фольклоре в целом, что является несомненным достоинством работы. Исследование содержит много ценного об удмуртских сказках, преданиях, песнях, заговорах, поговорах, о лингвистическо-изобразительных средствах этих жанров. Весь обширный материал подвергнут критическому рассмотрению с точки зрения того, как исторически складывалась удмуртская народная эстетика, как в фольклоре и его языке отразились быт, нравы и обычаи удмуртов.

Большим достоинством является и привлечение уникального и богатого не опубликованного пока полевого и архивного материала, накопленного в ходе многократных экспедиций автора в различные районы Удмуртской АССР, во время работы в рукописных фондах Удмуртского научно-исследовательского института, в Центральном государственном архиве, Географическом обществе СССР, Московском и Ленинградском от-

делениях архива Академии наук СССР. Хотелось бы посоветовать привлечь также материалы по удмуртскому фольклору, находящиеся в распоряжении рукописного фонда библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и архива Castrenianum в Хельсинки.

Работа состоит из трех глав, введения и заключения, списка литературы. Собрание текстов на удмуртском языке и в переводе на русский язык подготовлено к публикации в Удмуртском книжном издательстве.

В первой главе «Загадка как жанр устно-поэтического творчества удмуртов» фактический материал разграничен не на описательном уровне, что само по себе в научном исследовании не исключается и весьма важно, а на уровне основных закономерностей жанра, позволяющих судить о таковом как об отдельной самостоятельной единице в системе диалектически взаимосвязанного целого. Теоретический интерес представляет привлекаемая автором и тщательно им собранная удмуртская народная терминология жанра загадки, такие ее словесные обозначения, как *пёртманы* 'сочинять', *пёртмаськон* 'ряженье', *амаланы* 'хитрить', *кылбур* 'стихотворение', *тункыл-тунаны* 'гадать, загадывать, ворожить', *выжыкыл* — 'сказка' + слово рода. Устанавливая логическую, семантическую и этимологическую связь между этими терминами и удмуртским народным термином загадки, автор справедливо усматривает в самом этом факте, имеющем прямые аналогии в других финно-пермских, а в конечном счете и в финно-угорских языках, отражение древнего синкретизма художественного и идеологического мышления предков удмуртов.

Т. Г. Перевозчикова стремится не только увидеть и обобщить национально-специфическое проявление в удмуртских загадках, но и избежать при этом готовых схем, решенных аналогий. Например, правильно подмечено и объяснено, почему для удмуртского фольклора, я добавил бы и для финно-пермского в целом, не характерны в отличие от славянского

такие волшеббно-фантастические сказки, которые строятся на сюжетобразующей функции загадок. Причины подобной специфики усматриваются в особом заметном характере удмуртской т. н. тайной речи, в наличии специфически удмуртских повествовательных форм, в особом синкретизме мифа и сказки, т. е. в тех же факторах, которые определили отсутствие в удмуртском фольклоре развитых классических форм волшебной сказки.

Вторая глава «Загадка и действительность» посвящена анализу тематического разнообразия удмуртских загадок. Объектом отражения их оказываются человек и все многообразие окружающего его мира. Конкретно и убедительно показаны своеобразие и многообразие вещественного материального мира, в котором живет удмурт-охотник, удмурт-земледелец, особенности удмуртской одежды, дома, национальной кухни, флоры и фауны. Это своеобразие особенно наглядно выступает при анализе характера удмуртских поэтических сравнений, метафор, символов.

В третьей главе обстоятельно освещаются средства создания художественного образа удмуртских народных загадок. Здесь впервые объектом серьезного изучения стали звуковая и ритмическая сторона удмуртских загадок, их зависимость от устного бытования. Показана важная роль повторов, стилистических фигур — анафор и эпифор, именных и глагольных грамматических рифм в начале, середине и конце стиха. Учитывается влияние на эти рифмы агглютинативного строя удмуртского языка. Отмечается место междометий и звукоподражаний в звуковой и ритмической организации удмуртской загадки. Внимание уделено таким деталям, как специфическая краткость удмуртских загадок, обусловленная особыми способами словообразования при помощи суффиксов *-он(-ён)* и *-о(ё)*, *-тэм*: *Нуонзэ быгылес, ваёнзэ векчи. — Тысь но пызь* букв. 'Унесение кругло, принесение мелко. — Зерно и мука'; *Кык быжо кочыш. — Кут* букв. 'Кошка с двумя хвостами. — Лапти'.

Говоря о лексических и синтаксических стилиевых средствах, автор выделяет характерные явления из области образного обогащения удмуртской загадки за счет лексики детей, диалектизм, заимствований из татарского языка в южно-

удмуртских загадках, синонимов. Например, рассматривается полисемантизм эпитета *бадзым* 'большой' и тут же дается его синонимический ряд: *төр* 'тысяцкий', *эксэй* 'царский', *ин* 'небесный': *Эксэй и лэсь табазэ берыктыны уд вормы. — Итым* 'Царскую сковороду перевернуть не сможешь. — Гумно'. Здесь эпитет *эксэйлэсь* 'царский' выступает синонимом к определению *бадзым* 'большой'.

Из синтаксических стилиевых средств особое внимание обращается на формы удмуртских загадок в виде простого предложения с подлежащим и сказуемым, односоставного предложения из одного главного и второстепенных членов, на особую характерность уступительных и условных сложно-подчиненных предложений при создании образа-парадокса, образа-противоречия.

Наиболее содержателен раздел работы, в котором анализируются устойчивые формулы загадок. Критически оцениваются и используются известные труды Р. Джорджеса и А. Дандэса о дискриптивном элементе как единице анализа и в то же время отмечается перспективность методики финской фольклористики А. Кайвола-Брегенхей в овладении и постижении синтаксическо-семантического кода жанра. Используя эту методику, Т. Г. Перевозчикова на обширном и малоизученном удмуртском фольклорном материале выделяет формулы загадок, в которых тема и предмет совпадают, формулы отрицания в виде отрицательного вопроса, повествовательного предложения, сравнения с прилагательным, сравнения с союзными словами *кадь* 'как', *сямен* 'словно', *быдза* 'величиною с'.

Заслуживает внимания вывод о том, что в удмуртских загадках специфичны и многообразны формулы, основанные на метафорах следующих основных видов: метафора + признак, метафора + наречие места, метафора + глагол, наречие места + метафора + глагол и т. д. Столь же специфичны удмуртские загадки экспрессивного характера, построенные по принципу: а) выразительно-образительное слово + наречие места: *Кырык-кырык мувырын, кая Серга ты дурын. — Бака но лудкеч* 'Кырык-кырык (непереводимый зрительный образ неравномерных прыжков) на возвышенность, кая

Серга у озера. — Заяц и лягушка'; б) выразительно-изобразительное слово для обозначения признака предмета: *Чиндыр-мандыр* — зрительный образ для обозначения замка; в) выразительно-изобразительное слово + глагол: *Кырыж-мерыж тэле мынэ*. — *Сюрес* 'Криво-косо в лес идет. — Дорога'. Автор не ограничивается констатацией трудности перевода подобных экспрессивных выражений на иной финно-угорский язык, но стремится осмыслить сам факт отражения в них особенностей национального удмуртского характера.

Фактический материал доказывает, что по содержанию, поэтической форме, бытовой функции и способу образования удмуртские народные загадки делятся на восемь основных групп и рождение этих

групп в конечном счете обусловлено не столько магической функцией загадок, сколько функцией познавательно-воспитательной, эстетической, что удмуртская загадка сохраняет тесные связи с другими фольклорными жанрами и в связи с этим ее следует рассматривать как конкретное выражение способностей удмуртского народа эстетически познать и освоить окружающий мир.

В заключении даны выводы проведенного анализа, которые принципиальных возражений не вызывают. Результаты исследования могут найти применение не только в финно-угорской, но и в общей филологии.

АНАТОЛИЙ МИКУШЕВ (Сыктывкар)